

Литературные

НАПРАВЛЕНИЯ И СТИЛИ

*Сборник статей,
посвященный 75-летию
профессора Г. Н. Поспелова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА — 1976

О ТОЧНОСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

В литературоведении существует своеобразный «комплекс собственной неполноценности», вызываемый тем, что оно не принадлежит к кругу «точных наук». Предполагается, что высокая степень точности в любом случае служит признаком «научности». Отсюда различные попытки подчинить литературоведение точной методике исследования и неизбежно связанные с этим ограничения диапазона литературоведения, придающие ему более или менее камерный характер.

Д. П. Горский, автор статьи «О соотношении точного и неточного в точных науках», пишет: «Научная теория считается точной, строгой, если ее содержательные элементы (абстракции, идеализации, понятия и т. п.) уточнены до такой степени, что они допускают применение к ним (и соответствующим им объектам) определенных общих правил оперирования, т. е. правил, отличающихся формальным характером (к их числу относятся и математические правила). Поэтому процесс уточнения, приводящий к возможности такого оперирования, можно назвать процессом формализации»¹.

Поскольку для точности нужна формализация объема изучения и самого изучения, все попытки создать точную методику исследования в литературоведении так или иначе связаны со стремлением формализовать материал литературы. И в этом стремлении, хочу это подчеркнуть с самого начала, нет ничего одиозного. Формализуется любое знание, и любое знание «само» формализует материал. Формализация становится недопустимой только тогда, когда она насильно приписывает материалу ту степень точности, которой он не обладает и по существу своему не может обладать.

Поэтому основные возражения различного рода чрезмерным попыткам формализации материала литерату-

¹ Сб. «Логика и методология науки. IV Всесоюзный симпозиум». М., 1967, стр. 101.

ры идут от указаний на то, что материал не поддается формализации вообще или, конкретно, — предлагаемому типу формализации. К числу наиболее распространенных ошибок относится попытка распространить формализацию материала, годную лишь для какой-то его части, на весь материал. Вспомним утверждения формалистов 20-х годов, что литература — только форма, в ней нет ничего кроме формы и она должна изучаться только как форма.

Современный структурализм (я имею в виду все его многочисленные ответвления, с которыми мы теперь все больше должны считаться), неоднократно подчеркивавший свое родство с формализмом 20-х годов, по своему существу гораздо шире формализма, так как дает возможность изучать не только форму литературы, но и ее содержание, разумеется, формализуя это содержание, подчиняя изучаемое содержание терминологическому уточнению и конструктивизации. Это позволяет оперировать содержанием по правилам формальной логики с выделением в постоянно движущихся, меняющихся объектах изучения их «жесткого существа». Вот почему современный структурализм не может быть в общеметодологическом плане сведен к формализму. Структурализм гораздо шире захватывает содержание литературы, формализуя это содержание, но не сводя его к форме.

Однако вот что следует иметь в виду. В попытках обрести точность нельзя стремиться к точности как таковой и крайне опасно требовать от материала такой степени точности, которой в нем нет и не может быть по самой его природе. Точность нужна в той мере, в какой она допускается природой материала. Излишняя точность может оказаться помехой для развития науки и понимания существа дела.

Позволю себе привести еще одну цитату из статьи Д. П. Горского: «Известно, какую огромную роль в прогрессе точного естествознания играет точность измерений, совершенствование и развитие способов измерений. Однако, если бы прогресс процессов измерений намного опережал требования точности, предъявляемые наукой в целом, встретились бы дополнительные затруднения при обработке данных измерения и наблюдения в целях выявления в них существенного, закономерного. В таких

случаях приходилось бы вводить более сложные упрощающие допущения. В этом отношении не лишено глубокого смысла замечание Зоммерфельда о том, что если бы Кеплер не опирался на достаточно неточные и грубые результаты наблюдений и измерений Тихо де Браге, а имел бы в своем распоряжении данные современной астрономии о движении планет, учитывающие всю сложность их взаимного влияния, то он никогда бы не смог сформулировать свои законы эллиптического движения планет. Неточность данных в таких случаях как бы производит за ученого ту огрубленность, ту идеализацию, без которой не может быть построена научная теория»².

Конечно, оправдывать неточность литературоведения парадоксом Зоммерфельда было бы грубейшей ошибкой. Литературоведение *должно* стремиться к точности, если оно хочет оставаться наукой. Однако именно это требование точности ставит вопрос о степени допустимой в литературоведении точности и степени возможной точности в изучении тех или иных объектов. Это необходимо хотя бы для того, чтобы не пытаться измерить миллиметрами и граммами величину океана.

Что же в литературе не может быть формализовано, где границы формализации и какая степень точности допустима? Эти вопросы очень важны, и их необходимо решить, чтобы не создавать насильственных конструктивизаций и структурализаций там, где это невозможно по характеру самого материала.

Ограничусь общей постановкой вопроса о степени точности литературного материала. Прежде всего необходимо указать, что обычное противопоставление образности литературного творчества безобразности науки неверно. Не в образности художественных произведений следует искать их неточность. Дело в том, что любая точная наука пользуется образами, исходит из образов и в последнее время все более прибегает к образам как к *существованию* научного познания мира. То, что в науке называется моделью, это и есть образ. Создавая то или иное объяснение явления, ученый строит модель — образ. Модель атома, модель молекулы, модель позитрона и т. п. — все это образы, в которых

² Сб. «Логика и методология науки...», стр. 106.

ученый воплощает свои догадки, гипотезы, а затем и точные выводы. Значению образов в современной физике посвящены многочисленные теоретические исследования.

Ключ к неточности художественного материала лежит в другой области. Художественное творчество «неточно» в той мере, в какой это требуется для сотворчества читателя, зрителя или слушателя. Потенциальное сотворчество заложено в любом художественном произведении. Поэтому отступления от метра необходимы для творческого воссоздания читателем или слушателем ритма. Отступления от стиля необходимы для творческого восприятия стиля. Неточность образа необходима для восполнения этого образа творческим восприятием читателя или зрителя. Все эти и другие «неточности» в художественных произведениях требуют своего изучения. Требуют своего изучения необходимые и допустимые размеры этих неточностей в различные эпохи и у различных художников. В зависимости от результатов будет зависеть и допустимая степень формализации произведений искусства. Особенно сложно обстоит дело с содержанием произведения, которое в той или иной степени допускает формализацию и одновременно не допускает ее.

Структурализм в литературоведении может быть плодотворен только при ясном осознании возможных сфер своего применения и возможных степеней формализации того или иного материала.

Сейчас структурализм «прощупывает» свои возможности. Он находится в стадии терминологических поисков и в стадии экспериментального построения различных «моделей», в том числе и собственной модели — структурализма как науки. Нет сомнений, что как и в каждой экспериментальной работе, большинство экспериментов окажется неудачным. Однако всякая неудача эксперимента есть в каком-то отношении и его удача. Неудача заставляет отбросить предварительное решение, предварительную модель и отчасти подсказывает пути для новых поисков. И эти поиски не должны превеличивать возможностей материала, они должны строиться на изучении данных возможностей,